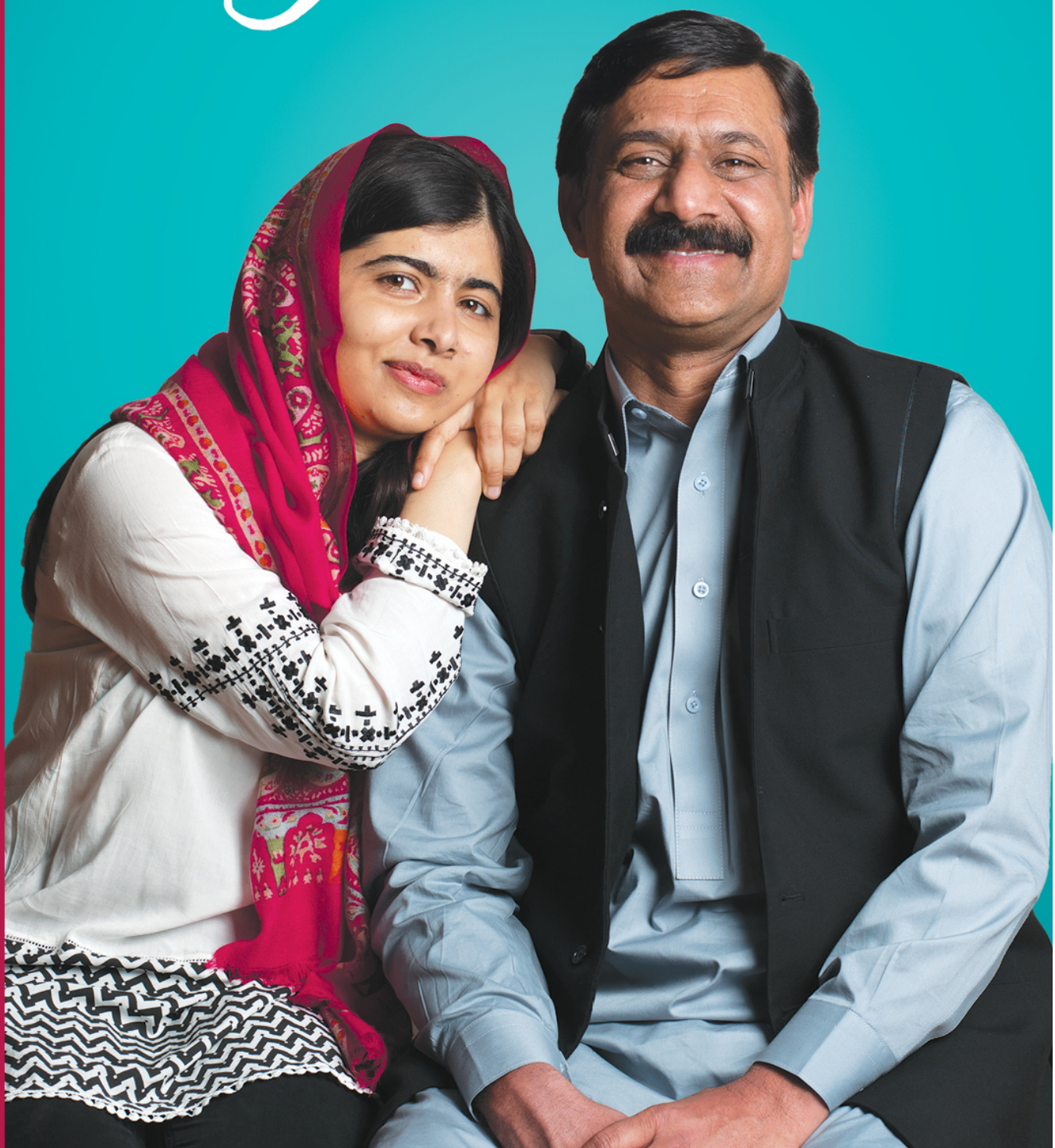
Дайте ей взлететь

История счастливого отца



Зиауддин Юсуфзай

Дайте ей взлететь. История счастливого отца

«Эксмо»

2018

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Юсуфзай З.

Дайте ей взлететь. История счастливого отца / З. Юсуфзай — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-100831-4

Как воспитать ребенка-гения, который еще до наступления совершеннолетия получит Нобелевскую премию мира? Который открыто бросит вызов движению «Талибан» и станет самым молодым послом ООН в истории? А что, если при этом твой ребенок – девушка из патриархальной мусульманской страны, всемирно известная правозащитница Малала Юсуфзай? Пакистанский педагог Зиауддин Юсуфзай сумел воспитать дочь, которая выступала за равенство в стране, где девочкам недоступно даже школьное образование. Любовь и смелость научили его: твой ребенок может стать символом борьбы за права женщин во всем мире. Главное – не обрезать ему крылья, чтобы он смог взлететь.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100831-4

© Юсуфзай З., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие 6
Пролог 9
Отец 13
Осень в доме 13
«Развяжи узел на моем языке» 17
Наследие моей Бейбей 21
Песня свободы 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Зиауддин Юсуфзай
Дайте ей взлететь.
История счастливого отца

Copyright © Ziauddin Yousafzai 2018
© Foreword copyright © Malala Yousafzai 2018
© И. Голыбина, пер. на русский язык, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается доктору Мухаммаду Джунейду и доктору Мумтазу Али, сделавшим Малале операцию после покушения на нее в Пакистане. С Божьей помощью они спасли Малале жизнь.

Предисловие
Малала Юсуфзай

В этом предисловии я хочу поблагодарить моего отца. Сколько я его знаю, он всегда олицетворял для меня любовь, сострадание и самоотречение. Он учил меня любви: не просто словами, а собственными поступками, исполненными доброты. Я никогда не видела, чтобы он проявил к кому-нибудь неуважение или поступил несправедливо. Для него все равны: мусульмане и христиане, черные и белые, богатые и бедные, мужчины и женщины. Как директор школы, общественный деятель и правозащитник он всегда заботился о людях и поддерживал их. Его все любили. Он стал для меня кумиром.

Мы жили небогато с финансовой точки зрения, зато были богаты этически и морально. Аба считал, что богатство не равно счастью и не гарантирует его. Мы никогда не чувствовали себя бедными, хотя я хорошо помню, что временами у нас не хватало денег на еду. Если моему отцу удавалось получить небольшую прибыль от школы, он мог потратить ее в один день на нужды семьи, например, купить фруктов, а остаток отдать маме, которая занималась у нас покупкой одежды, хозяйственных товаров, мебели и тому подобного. Отец терпеть не мог ходить по магазинам – настолько, что начинал ругаться с мамой, если этот процесс затягивался. Мама отвечала ему: «Ты еще поблагодаришь меня, когда станешь носить этот костюм». Ему нравилось видеть моих братьев, маму и меня счастливыми и здоровыми. Благодаря ему у нас было то, что важнее всего в жизни: образование, уважение и безусловная любовь – достаточно, чтобы чувствовать себя богатыми и довольными.

Его любовь ко мне неприступной стеной защищала меня от всего плохого. Я росла счастливым, уверенным в себе ребенком, пускай даже наше общество не сулило мне как девочке в будущем ничего выдающегося. Наш дом наполняло глубокое уважение к девочкам и женщинам, хотя вне его царили совсем другие нравы. Однако отцовская любовь служила мне щитом. Он был моим защитником в обществе, которое не воспринимало меня как равную. С самого начала он противостоял всему, что угрожало моему будущему. Равенство являлось моим правом, и он следил, чтобы оно соблюдалось.

Такая культура уважения в нашем доме, особенно по отношению к женщинам, основывалась на вере Аба в то, что жить надо в полную силу и использовать все шансы, которые у нас есть. От него я научилась делать все как можно лучше, самой быть как можно лучше и уважать людей вне зависимости от их происхождения.

Мы с отцом были друзьями с самого начала и остаемся ими по сей день, что редко случается, когда дочери взрослеют и между ними и родителями появляется разрыв. Я делилась с ним самым сокровенным, даже больше, чем с мамой: могла пожаловаться на периодические боли или попросить купить прокладки. Собственно, мамы я немного побаивалась, потому что она у нас строгая. Отец всегда принимал мою сторону, если я спорила с братьями – а это случалось почти что каждый день.

Я ничем не отличалась от других девочек в моем классе в Пакистане, от подружек, живших по соседству, и всех девочек долины Сват. Но мне выпал бесценный шанс расти в одобряющей и поддерживающей среде. Это выражалось не в том, что отец читал мне длинные лекции или каждый день давал советы. Скорее, его собственное поведение, его преданность общественной работе, его честность, открытость, его взгляды и дела сказывались также и на мне. Отец всегда меня хвалил. Он всегда говорил мне: «Ты так замечательно учишься, Яни», «Ты так хорошо говоришь». Яни означает «любовь» или «душа моя», и так называет меня отец. Он обязательно отмечал мои маленькие достижения: успешно сделанные задания, рисунки,

выступления – все. Он всегда гордился мной. Отец верил в меня больше, чем я сама верила в себя. А это давало мне уверенность в том, что я добьюсь всего, чего захочу.

Отец прекрасно умеет слушать, и это качество всегда мне в нем нравилось. Конечно, за исключением моментов, когда он занят со своим iPad или с Твиттером. Тогда его приходится звать по имени, «Аба!», раз десять, прежде чем он ответит. Хоть он и говорит «Да, Яни» всякий раз, когда я его зову, на самом деле он не слушает, пока читает Твиттер – совершенно точно. Когда он слушает людей, особенно детей, то полностью сосредоточивается на них и уделяет им все свое внимание. Ко мне это относится тоже. Он всегда слушал меня – мои детские истории, мои жалобы, мои тревоги и мои планы. Отец помог мне понять, что мой голос имеет значение, что он важен. Именно это подвигло меня использовать свой голос и придало уверенности. Я знала, как обращаться к людям, как выражать свои мысли, и, когда пришли талибы, ощутила необходимость поднять голос в защиту образования и своих прав.

Взрослея, я начала замечать, насколько мои родители отличались от других: девочки из нашей школы со временем или вообще переставали ходить на занятия, или не появлялись в тех местах, где могли встретить мальчиков и мужчин. Мы лишаемся множества девочек и женщин в такого рода обществе, в котором мужчины решают, как женщинам жить и что им делать. Я видела удивительных девочек, которых принуждали бросить учебу и отказаться от их планов. Эти девочки так и не получили шанса стать самими собой. Но я не относилась к их числу. Я выступала там, где выступали только мальчики, и слышала, как мужчины вокруг шепчутся: «Этих девчонок надо держать отдельно!» Некоторым моим одноклассницам и подругам отцы и братья запрещали участвовать в школьных дебатах между мальчиками и девочками. Мой отец высказывался резко против такой позиции и всячески пытался ее изменить.

Отец мог принимать гостей у нас в доме, мужчин и стариков, и беседовать с ними. Я приносила им чай, а потом садилась рядом и слушала. Отец никогда не говорил: «Малала, ты же видишь, у нас тут взрослый разговор, мы обсуждаем политику». Он разрешал мне сидеть и слушать и, более того, высказывать собственное мнение.

Это очень важно, потому что девочка, растущая в окружении, где ее не принимают как равную, вынуждена бороться со страхом, что ее мечте не суждено осуществиться. Для миллионов девочек школа – гораздо более безопасное место, чем собственный дом. Дома их заставляют варить еду и убирать, да еще готовиться к замужеству. Даже для меня, с моими родителями, школа была безопасным местом, где не действовали принятые в обществе ограничения. В школе меня окружали мои чудесные учителя и мой чудесный директор, в классе сидели мои друзья, и все мы говорили об учебе, о наших мечтах и о нашем будущем.

Сложно выразить словами, насколько сильно мне нравилось ходить в школу, организованную отцом. Во время учебы я едва ли не физически ощущала, как мой мозг становится больше и больше. Я знала, что он наполняется новой информацией, всеми теми вещами, которые попадают ко мне в голову и расширяют мои горизонты.

Отец, вырастивший меня, и сегодня точно такой же. Он все тот же идеалист. Он не только школьный учитель, но еще и поэт. Иногда мне кажется, он живет в каком-то романтическом мире, полном любви к людям, любви к его друзьям, семье и всем человеческим существам. Мне не нравится читать стихи, но я понимаю его идеалистический настрой.

Люди, которые хотят изменить мир, зачастую сдаются слишком рано или даже не начинают. Они говорят: «Это слишком большая задача. Что я могу сделать? Чем помочь?» Но отец всегда верил в себя, в свою способность что-то изменить. Меня он учил, что даже помощь одному человеку нельзя считать слишком незначительным вкладом. Каждое доброе дело засчитывается. Успех для моего отца – это не только достижение цели. Это счастье от самого процесса, от работы, от помощи и от перемен.

Может быть, отцу пока что не удалось убедить весь мир относиться к женщинам с уважением, как к равным, но мою жизнь он точно изменил к лучшему. Он дал мне будущее, дал мне мой голос, дал мне взлететь!

Аба, смогу ли я когда-нибудь тебя отблагодарить?!

Пролог

Многие люди спрашивают меня с любовью и добротой в сердце: «Каким моментом ты больше всего гордишься, Зиауддин?» Думаю, они ждут, что я отвечу: «Конечно, тем, когда Малала получила Нобелевскую премию мира», или «Тем, когда она выступала на заседании ООН в Нью-Йорке», или «Когда она встречалась с королевой».

Малалу уважают и почитают во всем мире, но я не могу ответить на этот вопрос, потому что он касается не Малалы как моего ребенка, а ее мирового влияния. Чем мне гордиться больше: ее встречами с королевой и главами государств или Нобелевской премией мира? Я не могу сказать.

Вместо этого я отвечаю на вопрос так: «Малала заставляет меня гордиться ею каждый день», – и говорю это абсолютно искренне. Моя Малала – это и девочка, с которой мы смеемся во время завтрака над ее шутками, гораздо более остроумными, чем мои, и девочка, которая ходила в самую обычную школу в Мингоре, в Пакистане, и тем не менее оказалась сильней вооруженных талибов.

Мне ни разу не доводилось видеть другого ребенка, настолько влюбленного в учебу. И хотя остальной мир может думать: «Ах, Малала, она такая умная!» – моя дочь временами не справляется с нагрузкой, как и все обычные студенты. Холодный английский день сменяется еще более холодной английской ночью – а мы, Юсуфзаи, привыкшие к жарким солнечным лучам, обжигающим кожу, ощущаем английский холод гораздо острей, – но Малала продолжает сидеть у себя в комнате, в свете настольной лампы, склонившись над книгой и нахмурив брови. Она учится, учится постоянно, и беспокоится о своих оценках.

Благословение ее жизни – ее «второй жизни», как говорит Тур Пекай, ее мать, с тех пор как Бог спас Малалу после совершенного на нее покушения, – не только в том, что она может и дальше бороться за права *всех* девочек. Оно еще и в том, что Малала одновременно реализует *собственные* мечты. Иногда родителям выдаются моменты восторга, любви, изумления – *неужели этот удивительный ребенок действительно мой?!* – по самому неожиданному поводу: это может быть просто какой-то взгляд, жест, остроумное замечание, мудрое и невинное. Поэтому если все-таки решать, каким моментом я, как отец Малалы, горжусь больше всего, то я скажу, что случился он в Оксфорде и был связан с простой чашкой чая.

С момента переезда в Великобританию Малала всегда говорила, что хочет изучать политологию, философию и экономику в Оксфордском университете. Она собиралась пойти по стопам Беназир Бхутто, первой женщины, ставшей премьер-министром Пакистана.

Малала и раньше бывала в Оксфорде, который, естественно, знает весь мир. В ходе своей правозащитной кампании она выступала там три или четыре раза с тех пор, как мы переселились в Бирмингем, и каждый раз я ее сопровождал. Малала росла и теперь уже могла сама позаботиться о себе, так что мне больше не надо было гладить ее разноцветные шальвары, туники и шарфы, которые выбирала для нее мать, или чистить ее туфли, как я часто делал во время наших разъездов в поддержку кампании за образование для девочек в Пакистане.

Мне нравилось исполнять эти «повинности» для Малалы, и сейчас, когда она стала совсем самостоятельной, я очень по ним скучаю. Почему же мне так нравилось оказывать ей подобные мелкие услуги? Потому что через них я мог выразить свою любовь и поддержку моему ребенку, а также всему женскому полу. То же самое чувство я испытывал, когда она только родилась – моя благословенная дочка! – и я вписал ее имя, первое женское имя за триста лет, в наше старинное семейное древо. Это был способ показать миру и самому себе не только на словах, но и на деле, что девочки ни в чем не уступают мальчикам. Они важны – и их потребности тоже важны, даже такие незначительные, как чистая пара туфель.

Я понимаю, что такие небольшие знаки внимания естественным образом оказывают своим детям отцы и матери по всему миру, в разных странах с разными культурами, но для меня, мужчины средних лет из патриархального Пакистана, это было настоящим событием.

Я родился в стране, где женщины всю жизнь мне служили. Я происхожу из семьи, в которой сам мой пол делал меня особенным. Но я не хотел считаться особенным только по этой причине.

Когда я был еще ребенком и жил в Шангле, в долгие жаркие дни нам, мальчикам и мужчинам, подавали прохладительные напитки, чтобы мы могли освежиться. Потом их уносили: не требовалось даже щелкать пальцами или кивать головой. Это была традиция, корнями уходящая глубоко в столетия патриархата, бессознательная, необсуждаемая, естественная.

Я никогда не видел, чтобы мой отец или брат приближались к плите в глинобитном домике, где жила наша семья. В детстве я тоже никогда к ней не подходил. Готовка была не для меня – вообще не для мужчин. Ребенком я принимал это как должное.

Бульканье готовящегося карри сопровождалось оживленной болтовней моих сестер и матери, которые что-то смешивали и нарезали, зная при этом, что самые вкусные кусочки курицы, ножки и грудка, достанутся не им, а мне – младшему брату, старшему брату и отцу. Они, отличные поварихи, которые весь день провели у плиты, в чаду, с согнутыми спинами, будут обсасывать косточки.

Их стремление услужить нам, сделать нашу жизнь комфортнее выражалось также в том, как нам подавали чай: эти чаепития задавали ритм всего дня. По-моему, чай, который мы пьем в Пакистане, самый вкусный в мире – с молоком, горячий и сладкий. Сейчас, живя в Великобритании, я могу с уверенностью утверждать, что он не имеет ничего общего со знаменитым английским чаем, который, если честно, просто невозможно пить.

Как во многих других странах мира, в Пакистане для чая имеется целый ритуал. Для начала надо как следует вымыть чайник, чтобы в нем не осталось осадка от предыдущей заварки. Чайные листья должны быть хорошего качества. Чайник наполняют водой и кипятят ее вместе с чайным листом. Когда вода прокипит, в нее добавляют молоко и сахар. Потом все вместе опять доводят до кипения. Женщина с половником начинает зачерпывать чай и выливать его обратно в чайник, чтобы он перемешался. Я не совсем понимаю, почему это делается именно так, но женщины в моем доме всегда готовили чай таким образом, и он получался горячим, сладким и очень вкусным. Есть еще более насыщенный вариант, дудх пати, который готовится без воды – вместо нее сразу кипятят большое количество молока, потом добавляют чайные листья и сахар и нагревают еще раз, чтобы чай стал похож на жидкий мед.

Мы, мужчины, никогда не готовили этот вкуснейший чай – мы только наслаждались им. Одно из моих самых ранних детских воспоминаний: я, малыш, сижу в нашей маленькой гостиной, а отец лежит на кушетке, обложившись подушками. Мать входит в комнату с подносом, на котором стоят чайник и две чашки. Отец не поднимает головы от книги, которую читает; скорее всего, это толстый том хадисов, старинных преданий о пророке Мухаммеде. Мама пододвигает столик, ставит на него поднос и разливает горячий сладкий чай по чашкам. Она протягивает одну чашку отцу, а другую мне, ее любимому младшему сыну. И ждет.

Она ждет, чтобы убедиться, что мы с отцом все выпили, прежде чем насладиться чаем самой. Иногда отец ее благодарит, но не всегда.

Качество чая, который тебе подают, учил меня отец, оценивается в три этапа. Сначала мужчина должен посмотреть на чай, когда его наливают из чайника в чашку, обращая внимание на густоту. Потом – оценить цвет чая в чашке. И, наконец, последняя проверка – попробовать на вкус.

Многие годы мы все – отец, дядья и я – должны были лишь поднести чашку к губам, чтобы насладиться своим чаем. Если отец находил в нем какой-то изъян, то даже не знал, в чем дело. Он просто приказывал матери или сестрам на кухне приготовить чай заново. Такое

случалось крайне редко, потому что мама отлично умела угодить отцу. В конце концов, это было ее единственным предназначением в жизни.

Когда Малале приходилось выступать на публике или участвовать в дебатах, она нисколько не волновалась. Она, в отличие от меня, вообще редко волнуется или дает волю эмоциям, за исключением тех случаев, когда рядом находятся ее учителя. Я видел, как она абсолютно спокойно разговаривала с руководством Содружества Наций, но при этом, сидя со мной рядом на вечере для родителей в Старшей школе в Эджбастоне, где она училась последний год, заливалась румянцем.

Этот же румянец я заметил на ее щеках в августе 2017 года, когда четверо из нашей семьи отправились в Оксфорд, в Леди-Маргарет-Холл. Мы испытали огромную радость и облегчение, узнав о том, что Малала набрала нужный балл и через восемь недель станет студенткой Оксфорда.

Малала нервничала – я это видел. Тур Пекай, ее брат Хушал и я впервые попали в Леди-Маргарет-Холл с его величественным фасадом из красного кирпича и несколькими рядами прекрасных арочных окон. Красота Оксфордского университета с тех пор не перестает меня поражать. Мы не имели возможности к ней подготовиться – в отличие от Малалы, мы раньше не ездили в Оксфорд и не выступали там. Но на этот раз она была просто студенткой, а я просто ее отцом.

Двое студентов устроили нам экскурсию, очень порадовавшую нас с Тур Пекай: библиотека оказалась огромной, стеллажи с книгами уходили под самый потолок. Само их количество казалось поразительным. Будучи учителем, я восемнадцать лет учился сам и учил других – конечно, я испытал потрясение при виде такого количества книг. Талибы сожгли сотни школ с книгами и наложили запрет на образование для девочек. Они угрожали мне и едва не лишили жизни мою дочь – только за то, что она, девочка, хотела учиться, хотела читать. Сейчас я начинал понимать, что это был Божий план. Человек предполагает, Бог располагает. Малала не только пережила покушение, жертвой которого стала из-за своего стремления к образованию, но и нашла в себе силы поправиться, излечиться и продолжать учебу, чтобы в будущем стать студенткой Оксфорда. Видеть, как сбывается мечта моей дочери о поступлении в университет, было удивительно. «Ох, Зиауддин, – говорил я себе, – только не надо сейчас плакать!»

После экскурсии декан факультета проводил нас в большую гостиную с высокими потолками; там была масса света и воздуха. Казалось, будто она гораздо больше своих физических размеров. Вокруг кресел и диванов собирались группками люди и что-то вполголоса обсуждали. Девиз Леди-Маргарет-Холл *Souvent me Souviens* – «Я часто вспоминаю».

Стоя возле стены, я увидел, как декан подошел к столу, где стоял электрический чайник. Даже не знаю, что сказал бы мой отец об этом изобретении. Декан взял чашку, бросил в нее пакетик и налил кипятку. Через пару секунд он поставил чашку на блюдце и добавил в чай молока. Помешав чай, он выкинул пакетик, взял чашку с блюдцем и пошел через всю комнату с ней в руках. У многих из тех, кто находился в комнате, еще не было чая, но он продолжал идти, пока не подошел к Малале, чтобы протянуть чашку ей.

Souvent me Souviens. Только тут я заплакал.

Поэтому, если вы спросите меня: «Зиауддин, каким моментом ты гордишься больше всего?» – я скажу: тем, когда мужчина, декан Леди-Маргарет-Холл, приготовил и подал Малале чашку чая. Этот момент был таким естественным, таким обыкновенным и потому даже более чудесным и значимым для меня, чем встречи Малалы с королевой или президентом. Он подтверждал то, во что я всегда верил: если бороться за перемены, перемены обязательно наступят.

Та чашка чая была заварена по-западному, непривычно для нас. Мой отец наверняка отказался бы пить такой чай, какой поднесли Малале. Он приказал бы вернуть его на кухню, и

кто-нибудь из женщин нашей семьи быстро бы вскочил, забрал у нас чай и унес его, печалясь тем, что мы разочарованы. Эта же чашка чая казалась тем слаще, что, будь даже мой отец с нами в той гостиной, он не смог бы отказаться от нее. Чай предназначался не ему; чашку пронесли бы мимо и отдали его внучке.

В детстве меня воспитывали в старом патриархальном духе. Только став подростком, я начал ставить под вопрос то, что раньше принимал как должное. Всю свою жизнь я стремился к чему-то новому, что-то открывал и постоянно учился. К чему же я стремился еще задолго до того, как родилась Малала? Чего я хотел для нее, и для моей собственной жены, и для моих учениц, и для всех девочек и женщин на нашей прекрасной земле? Поначалу я не знал слова «феминизм». Я познакомился с ним позже, на Западе, но тогда понятия о нем не имел. Более сорока лет я не представлял, что это слово может значить. Когда же мне объяснили его значение, я сказал: «Значит, я большую часть своей жизни был феминистом, почти что с самого начала!» Живя в Пакистане, я основывался в своих принципах на любви, уважении и человеческом достоинстве. Я просто хотел и продолжаю хотеть, чтобы девочки жили в мире, который относится к ним с любовью и встречает с распростертыми объятиями. Я хотел и сейчас хочу положить конец патриархату, мужской системе идеалов, основанной на запугивании, которая маскирует дискриминацию и жестокость требованиями религии, а сама при этом упускает из виду, насколько прекрасно было бы жить в по-настоящему равноправном обществе.

Вот почему я заплакал при виде простой чашки чая – ведь она символизировала конец борьбы, которой я посвятил себя на целых два десятилетия, чтобы обеспечить равноправие Малале. Малала теперь взрослая, достаточно взрослая и достаточно опытная, а еще достаточно храбрая, чтобы бороться самой. Но борьба за всех девочек, по всему миру, еще не закончена. Все девочки и женщины заслуживают того уважения, которое мужчины получают по определению. Всем девочкам должны предлагать чай в их учебных заведениях – будь то в Пакистане, в Нигерии, в Индии, в США или в Великобритании – и просто как напиток, и как важный идеологический символ.

Путь к тому, чтобы испытать ту любовь и радость, какую чувствую я, когда с моей дочерью обращаются как с равной, очень нелегок для тех, кому выпало родиться в патриархальном обществе. Усваивая новые жизненные принципы, мне приходилось одновременно освобождаться от тех, которые мне внушали ранее. Первым человеком, стоявшим на моем пути, оказался тот, кто был для меня опасней любого древнего пуштунского воина со щитом и с мечом – я сам, прежний Зиауддин, шептавший мне на ухо: «Что ты делаешь? Не надо! Не будь глупцом. Этот путь суров и одинок, а все, что тебе нужно для спокойствия, находится там, откуда ты уходишь».

Это была долгая дорога, с тяготами и жертвами, и я едва не лишился того самого человека, ради которого начал свою борьбу. Но Малала жива и продолжает учиться. Я жив, ее мать жива, ее братья живы, и все мы теперь имеем образование: и Малала, и ее братья – из книг, и их мать, Тур Пекай, тоже. Надеюсь, и я продолжу учиться у жизни со всеми ее радостями и разочарованиями, с преградами и победами.

Я написал эту книгу в надежде, что однажды она послужит в поддержку всем женщинам, девочкам, мужчинам и мальчикам, которым достанет смелости вступить в борьбу за равноправие – как это делает наша семья.

Потому что только когда такой девочке, как Малала, из обычной деревушки в горах, декан факультета в некогда патриархальной стране подает чашку чая, только когда, получив высшее образование, она сама может со временем стать этим деканом, – только тогда наша задача может считаться выполненной.

Отец

Осень в доме

Когда я был еще малышом и только-только учился писать свое имя бамбуковой ручкой, обмакивая ее в чернила из угольной батарейки, мама как-то разбудила меня затемно, в радостном возбуждении прошептав на ухо: «Зиауддин, просыпайся!» Сестры, с которыми я делил комнату в нашем глинобитном домике, еще сладко спали.

– Бейбей? – пробормотал я. Так у нас называли маму.

– Зиауддин, вставай, – велела она. – Мы отправляемся в путешествие.

Я заметил, что она уже надела свой плотный серый *парунаи.*

– Вместе с Мудрым Кака? – сонным голосом спросил я, имея в виду отца. И повторил еще раз:

– С Мудрым Кака?

– Нет, – ответила мама, – не с Мудрым Кака. У отца сегодня уроки в школе, как обычно, и еще он должен молиться. С нами поедет Фазли Хаким, его двоюродный брат. Мы отправимся на гору Шалмано. Ты должен быть сильным, потому что до вершины придется долго идти, но, когда мы поднимемся туда, сбудется твоя мечта.

Сам я вроде бы ни о чем особо не мечтал, но знал, что отец и мать строят большие планы на мой счет. А еще знал, что больше им надеяться не на кого. Поэтому, раз Бейбей и Мудрый Кака решили, что мне надо подняться на гору, я готов был туда идти.

Каждое утро вокруг нашего домика в Баркане, деревушке, затерянной в округе Шангла на севере Пакистана, собирались петухи, а в миле от него, на поле, нетерпеливо мычали две буйволицы, дожидаясь, пока мой брат придет их кормить. Его главной задачей в жизни было следить, чтобы они ели и тучнели, ведь только так он мог поддержать нашу семью и отца. Брату доставляло удовольствие ухаживать за скотиной и продолжать вести ту же простую жизнь, что и отец, часто повторявший: «Мужчина счастлив, когда жена рожает ему сыновей, а буйволица – телушек». Для моей бедной матери это было плохо, очень плохо. В крошечном глинобитном домике из двух комнат нас ютилось девятеро. Позднее брат женился и перебрался вместе с женой в пристройку, которую добавили к дому сзади. Буйволицы, которых он держал, не всегда приносили телушек. Отец скрупулезно отмечал каждый приплод в специальной тетради, которую держал на той же полке, где стояли его дневники и журналы.

Моя мать родила ему семерых детей, но драгоценных мальчиков из них было всего двое. Первым родился мой брат, а потом я. Между нами на свет появилось три дочки, и еще две – после меня. Их звали Хамида Бано, Наджма Биби, Бахти Маал, Гул Райна и Назим Ахтар. Я перечисляю здесь их всех, потому что в детстве ни разу не видел их имена написанными на бумаге. О них говорили только применительно к мужчинам: дочери моего отца, сестры Зиауддина и Саида Рамзана. Их никогда не упоминали отдельно. То же самое касалось и моей матери: она была женой Роула Амина, матерью Зиауддина и Саида Рамзана.

Тот факт, что в нашей семье преобладали женщины, становился еще более наглядным в сравнении с обитателями соседнего дома, где рождались одни мальчики.

Там жили наши двоюродные братья – семья моего дяди, – в домике точь-в-точь как наш, с глинобитной крышей. На ней у нас было что-то вроде игровой площадки, которая называлась *чам*, где все дети – и мальчики, и девочки – с громкими криками носились туда-сюда, прыгали и играли в лапту. Наши подружки в Баркане, беспечные и счастливые, были еще в том возрасте, когда не могли навлечь на себя стыд или бесчестие. Иногда они, разыгравшись, заворачивались до самых глаз в платки матерей или старших сестер, пряча под ними свои маленькие носики и

нежные щечки, желая в точности походить на взрослых, которых они любили и с которых брали пример. Через пару лет, когда моим приятельницам исполнялось двенадцать-тринадцать, они начинали носить платки сами, уже постоянно. Взросление обязывало их блюсти свою честь, поэтому они пропадали с детских площадок на крышах и с деревенских улочек, по которым когда-то носились от дома к дому, и сидели взаперти в четырех стенах. Перебравшись сверху вниз, мои бывшие подружки – и младшие сестры тоже – слышали топот детских ног по крышам у себя над головой, напоминавший им о былой свободе. Мы с мальчишками продолжали резвиться и играть в лапту. А девочки, одна за другой, исчезали, словно падающие звезды, но ни у кого это не вызывало вопросов. Они сидели внизу, под нами, готовили еду и перешептывались между собой, а через пару лет выходили замуж и рожали детей, а если нет, то тряслись от страха, гадая, кого им предназначат в мужья.

Моя мать очень заботилась о стенах нашего домика. Раз в год она обмазывала его изнутри свежей глиной, разглаживая и выравнивая ее с такой гордостью и тщанием, словно украшала стены роскошного особняка. Но ее забота о жилище, где укрывались она и мои сестры, не мешала радостным новостям из дядиного дома просачиваться внутрь. Каждый раз, когда у них рождался следующий мальчик и все женщины деревни являлись поздравить мою тетку, разочарование отца, произведшего на свет столько дочерей, становилось все горше.

– Почему у них в доме всегда весна, а у нас осень? – вопрошал он.

Мы, пуштуны, воинственный народ. Сыновья означают, что у мужчины есть армия. Стычки, обычно на словах, и конфликты случаются у нас часто. Если отец ссорится со своими братьями, ссорятся и их дети. Если дядья воюют между собой, то и двоюродные братья тоже. Нас, двоих мальчиков, для армии было мало. Мои сестры в счет не шли. Если что-то и могло испортить отцу настроение, так это зависть.

– Ты никогда в жизни не будешь счастлив, – как-то раз сказала ему мать, пока все мы, потрясенные, смотрели на них, раскрыв рты. – Окажись ты хоть в раю, все равно будешь говорить, что у соседей рай лучше!

Мой отец постоянно сокрушался насчет удачливости брата. Много лет спустя, когда я уже отделился от него – и территориально, и духовно, – он сказал:

– Почему у моего племянника есть машина? Почему ее нет у моих сыновей? Почему мои мальчики так меня подвели?

Машины к тому времени имелись уже у многих жителей деревни, но до того он никому из-за них не завидовал. Я, будучи достаточно взрослым, ответил:

– Мудрец Кака, порадуйся! Тебе не придется больше ходить домой пешком. Когда племянник увидит тебя на дороге, он должен будет остановиться и тебя подвезти. Ты не будешь больше ходить пешком, потому что, как старшего, тебя будут возить.

Я старался показать отцу, что удачливость племянников на руку и ему тоже. Однако для него это было слабым утешением. Он не хотел ездить в *их* машине.

Я просто ненавидел эту зависть, терпеть ее не мог! В том числе и за то, как она уничтожала в семье доверие и любовь. Но моя боль не шла ни в какое сравнение с несправедливостью в отношении моих сестер.

Я всегда занимал привилегированное положение в семье. С самых ранних лет и мать, и отец считали меня особенным, ребенком, способным повысить их социальный статус и оправдать ожидания, которые никогда не возлагались ни на одну из моих сестер и даже на старшего брата. Они говорили потом, что видели во мне искру, нечто, сулившее более удачливую жизнь и, конечно, переход на другую социальную ступень. Лестницей туда служило образование. Конечно, поищи родители эту искру у моих сестер, она бы точно обнаружилась, но они не искали.

Я понимаю, что они имели в виду, говоря об искре у ребенка, потому что видел то же самое в Малале, даже когда она была еще совсем крошкой. Это качество, которое делает

ребенка другим, что-то вроде внутренней силы. Такие дети словно подталкивают вас, позволяют вам поддерживать их стремление вверх. Почему родители возлагали все надежды на меня, а не на моего брата? Наверное, потому, что он готов был довольствоваться нашей тогдашней жизнью. Каждый вечер отец выкладывал на стол три зернышка миндаля.

– Зиауддин, иди съешь орехи!

Они предназначались для моего мозга. Я ел орехи с радостью. Еще одна привилегия.

Во время редких выездов из Барканы мать показывала мне красивые бунгало, которые по сравнению с нашей глинобитной хижиной казались настоящими дворцами.

– Кто там живет, Бейбей? – спрашивал я, ведя маму за собой. Малыш, ростом ей до пояса, выступал в роли сопровождающего – только так, а не наоборот. И моя мама говорила, идя со мной по улице:

– Зиауддин, здесь живут образованные люди. Если будешь прилежно учиться, станешь тоже жить тут.

Мы не были землевладельцами или бизнесменами. Мои родители понимали, что путь к лучшей жизни лежит для меня через образование. У нас не было денег. Не было связей. Не было дела. Учеба являлась для меня единственным шансом.

По утрам мой отец, брат и я получали по порции сливок с молока. Вечером нам доставались самые аппетитные части цыпленка. Мать часто готовила отцу его любимый омлет, который сдабривала мелко порубленными огурцами и помидорами, собранными в огороде. Она смешивала яйца со сливками, снятыми с молока. Когда мы усаживались есть, матери и сестер не было за столом. Они ужинали в другой комнате. Сандалии моих сестер, чиненые-перечиненые, грозили вот-вот развалиться, а я всегда ходил в новых, и их тугие кожаные ремешки надежно облегали мне ноги.

Только раз я слышал, как кто-то из сестер возмутился такой несправедливости. Наджма Биби, одна из старших, сказала матери:

– Если ты так любишь мальчиков, зачем родила нас?

А мать ответила:

– Я в этом не виновата. Это не я решаю.

Мне показалось тогда, что мать разозлилась, а на лице у сестры появилась растерянность.

Отец был «мауляна», духовным наставником у нас в деревне, и пять раз в день предводительствовал при чтении молитв в маленькой мечети, тоже глинобитной, в отличие от главной, высокой, в которую я позднее перешел. Кроме того, он учил мальчишек в соседней деревне.

Относительно невысокий статус религиозного служки усугублял его непредсказуемый характер, к которому добавлялось вечное беспокойство о деньгах. Хотя роль духовного наставника и ставила его вне кастовой системы, облекая некоторым авторитетом, она одновременно являлась своего рода клеймом, о котором все знали, хоть и не говорили вслух, – отец выполнял эту работу, потому что нуждался в деньгах.

Мауляна получает жалованье от общины, которой служит, за исполняемые обязанности. Моему отцу не обязательно было работать мауляна, хоть он и обладал необходимой квалификацией. Он преподавал богословие в государственной школе, но читал молитвы ради дополнительного заработка.

Страх навлечь на себя отцовский гнев омрачал мою любовь к нему. Он кричал на нас по самым незначительным поводам вроде сбежавшего цыпленка или просыпанного зерна, и его вспышки были совершенно непредсказуемыми. Но я никогда не ставил под сомнение его любовь ко мне. Он очень меня любил – это я знаю точно. Иногда он сажал меня на колени и нежно качал. Когда я был совсем маленький, волосы у него были черные, но в них уже пробивалась седина, которая впоследствии будет неразрывно ассоциироваться у меня с ним – моим отцом, мауляна, учителем, оратором, в длинном белом одеянии, с белыми волосами и белой

бородой, в белой шапочке или в белом тюрбане для пятничной молитвы. Он уделял мне массу времени и сил. Он всегда мне читал и старался обогащать мой ум. Именно он мне внушил неутолимую тягу к знаниям.

Отец славился своей религиозной страстью и красноречием, так что многие жители деревни записывали его молитвы на магнитофон, чтобы потом еще раз послушать дома.

Сейчас, спустя одиннадцать лет после его смерти, я люблю и уважаю моего отца с той же силой, что и тогда, когда сидел у него на коленях или слушал, как он читает мне Икбала и Саади, я, его золотой мальчик, средоточие отцовских мечтаний и надежд. Моя любовь к нему безгранична. Точно так же, как я отправился некогда в долгий путь с моей матерью на вершину горы, отец несколько десятилетий спустя преодолел свой – путь, начавшийся с рождения Малалы и приведший его обратно ко мне, ко всем нам, и завершившийся с его смертью.

«Развяжи узел на моем языке»

Была причина, по которой на гору с матерью и Фазли Хакимом поехал я, а не мои сестры. Единственный раз за всю нашу жизнь она никак не была связана с патриархатом, царившим у нас в доме. У моих сестер имелось громадное преимущество перед моим братом и передо мной. Отец мог как угодно их принижать, но природа кое-чем наградила. У всех пяти девочек речь лилась свободно, в то время как и я, и брат в возрасте четырех лет начали заикаться. Я не знаю, пытались ли родители помочь брату избавиться от заикания. В моем случае они приложили все мыслимые усилия. Как я мог стать богатым доктором, если слова застревали у меня во рту, отказываясь слетать с языка?

Заикание считается частично генетическим, частично психологическим нарушением. У мальчиков оно возникает чаще, чем у девочек. В нашей семье дядья и с отцовской, и с материнской стороны были заиками. Возможно, моих сестер эта участь миновала благодаря женским хромосомам. Возможно, наше с братом заикание было обусловлено генетикой. Но совершенно точно среда его усугубила. Отец обращал на нас внимание – на то, что мы говорили, и, соответственно, на то, чего не могли сказать. На нас, мальчиков, были направлены все взгляды. Никто не слушал девочек с их идеальной речью. Казалось, наше заикание единственное покушалось на патриархальный домашний уклад.

Непредсказуемые смены настроения у отца вносили свою лепту. Я изо всех сил старался произвести на него впечатление, заставить мной гордиться, но расслабиться и держаться спокойно в его присутствии у меня не получалось.

Однако когда слова застревали у меня во рту и я спотыкался и давился, он ни разу не закричал: «Хватит, Зиауддин» или «Да перестань же!». Он меня не ругал. Отец не был жестоким человеком. У него было доброе сердце. Возможно, именно поэтому он решил обратиться за помощью к святому.

Мы с матерью и Фазли Хакимом выехали из Барканы на автобусе. Мама сказала, что мы направляемся в Миан-Калей, крошечную деревушку в горах, чтобы повидаться со святым, который там живет. «Он вылечит твое заикание», – мягко добавила она. В молодости святой много путешествовал по стране, помогал строить мечети и прокладывать перевалы в горах. Он благословлял будущую постройку, а вокруг мужчины били палками в барабаны, подбадривая рабочих.

До Миан-Калей автобус не доходил, поэтому после часа езды, на протяжении которого меня страшно тошнило, мы вылезли на остановке и начали восхождение на гору Шалмано. Солнечные лучи становились все горячее, и, пробираясь между вечнозелеными кустарниками и деревьями со стволами куда толще, чем в тех местах, где мы жили, я быстро устал и запросился домой. Фазли Хаким посадил меня к себе на плечи, и я обхватил его руками за голову, сцепив пальцы на подбородке. Измотанный ранним подъемом, тяжелой поездкой в автобусе и палящим зноем, я то и дело задремывал и валился вперед, так что Фазли Хакиму приходилось усаживать меня заново, чтобы продолжать путь.

– Зиауддин! Зиауддин! Проснись! Расскажи мне что-нибудь. Старайся все время говорить.

Когда мы добрались до вершины, мать зашла в глинобитный домик святого, из которого шел резкий запах баранины с рисом: ее там готовили и раздавали всем посетителям и просто беднякам. Святой человек, известный как *Пир-Сагиб,* или *Леванто-Пир*, был очень щедр – это я знал. Еще я знал, что если ты к нему придешь, и он за тебя помолится, твои молитвы и желания дойдут до самого Бога.

Подкрепившись бараниной с рисом, мы с матерью зашли к святому в комнату. В домике имелись разные комнаты для женщин и для мужчин, и я заметил, что у святого было не меньше трех или четырех жен.

Он сел передо мной. Никогда в жизни я не видел человека настолько старого и настолько волосатого. Длинными седыми волосами заросла не только его голова – они торчали буквально отовсюду, в том числе из ушей. В детском изумлении мне показалось, что они спадают по мочкам и струятся вниз, словно водопад. Святой был слеп и длинными тонкими пальцами ощупывал все перед собой, но без особой дотошности. «Зиауддин, глаза его сердца открыты», – прошептала мать мне на ухо.

Мать, наверное, уже рассказала святому или его помощнику о моей проблеме. Он прошептал несколько слов из Корана, а потом дунул на меня. Дальше святой достал из кармана шарик *гурр* – это что-то вроде затвердевшего сахара, который едят в Пакистане. Вместо того чтобы передать сахар моей матери, как я ожидал, он сунул шарик целиком себе в рот, пососал его пару секунд, а потом поднес ладонь к заросшему подбородку и выплюнул. В ужасе я глядел, как святой протянул шарик, мокрый и скользкий, моей маме. Она отколупнула кусочек и дала мне. Липкий обломок казался мерзким, несмотря на чудеса, которые сулил, но я все-таки взял его, разжевал и проглотил. Шарик мы увезли с собой домой, и каждый вечер процедура повторялась. Хотя он быстро затвердел обратно, мне все равно казалось, что его еще покрывает слюна святого.

Хотелось бы мне сказать, что святой меня исцелил, но в действительности заикание лишь усилилось. Когда я пошел в школу, оно стало настоящим проклятием. Мои сестры и другие девочки вообще не получали образования, поэтому жалобы на заикание с моей стороны могли показаться неблагодарностью, но в школе надо мной издевались. Мальчишки постоянно передразнивали меня.

К заиканию добавлялись и другие несправедливости. Во-первых, мы были небогаты, а во-вторых, мой отец работал мауляна. Пакистан – кастовая страна, и сорок лет назад учителя открыто угождали мальчикам из богатых семей, сыновьям местных предводителей. Меня это сильно расстраивало. Я был сообразительным ребенком и очень старался. Мне нужно было образование.

Мальчишки высмеивали моего отца, и меня это очень задевало. Отец служил местной общине, читая молитвы, но для своего сына он хотел большего. Он вполне мог бы сказать: «Зиауддин, ты станешь мауляна, как я, а для этого достаточно просто выучить ислам в семинарии». Но он этого не сказал. Мой отец был образованным человеком, он сам учился не только в Шангле, но и в Карачи, и в Дели, но тогда он зависел от местных жителей, которых обходил с миской для пожертвований, собирая себе на еду – так поступали все, изучавшие ислам, в его времена. Он хотел для меня современного образования – крайне нехарактерно для нашей среды в тот период, – за что я ему очень признателен. Но делалось это ради единственной цели: чтобы я стал высокооплачиваемым врачом, принеся семье богатство и статус. Вот о чем заботился мой отец.

– Мир – открытая книга, Зиауддин, – говорил он. – На нем и нужно учиться.

Мысль его была ясна: если хочешь, чтобы твоя мечта сбылась, надо получить образование. В общем, стать врачом.

Проблема заключалась в том, что я для этого не годился.

Днем, заслышав *азаан* (призыв к молитве), я предпочитал бежать в главную деревенскую мечеть, вокруг которой росли деревья и летали пчелы, а прямо в центре бил родник, а не в маленькую мечеть на краю деревни, возле базара, где молившихся возглавлял мой отец. В те времена у нас не было громкоговорителей, разносивших *азаан* над крышами домов, как сейчас. Когда я был маленьким, мужчины выкрикивали *азаан* с какой-нибудь лужайки или камня на возвышении.

Несмотря на заикание, я твердо решил стать оратором, как мой отец. Возможно, именно эту решимость мои родители считали искрой, горевшей во мне. Я не собирался мириться со своим приниженным положением. Не собирался мириться с тем, как учителя обхаживали богатеньких мальчишек. Если попытаться сформулировать главное, чему научил меня отец, это будет вот что: он мне помог обратить свои слабые стороны в силу.

Переходя из класса в класс, я раз за разом доказывал, что являюсь одним из самых способных учеников. Учителя не могли этого игнорировать. Богатеи занимали привилегированное положение благодаря семейному статусу, я же завоевывал свое тяжким трудом. Но все равно оставался сыном-заикой своего отца.

После миндаля мне начали давать изюм, который мама на ночь замачивала в молоке. К утру он набухал и истекал соком, становясь ужасно вкусным.

Когда в тринадцать лет я перешел в старшую школу в соседней деревне, где преподавал отец, слова по-прежнему не хотели слетать у меня с языка. Но я объявил отцу, что собираюсь принять участие в турнире по красноречию.

Отец сделал кое-что очень важное: он мне этого не запретил. Даже наоборот. Он меня поддержал. Он поверил в меня и благодаря его поддержке я ощутил свою силу. В пакистанских школах проводится масса состязаний подобного рода и всяких устных дебатов. Отец согласился написать для меня речь.

Я репетировал ее в одиночестве целыми часами и мог ни разу не заикнуться. Но стоило мне начать рассказывать речь перед отцом, как сын-заика появлялся вновь.

Отец демонстрировал громадное терпение. Дома он мог срываться на нас по пустякам, но в большом мире был моим защитником. Он покровительствовал мне.

Стараясь помочь с выступлением, он научил меня молитве из Корана, которую произносит пророк Моисей, тоже заика, как сказано в нашей священной книге: «Господи! Раскрой для меня мою грудь! Облегчи мою миссию! Развяжи узел на моем языке, чтобы они могли понять мою речь» (Та Ха 25–28).

Даже сегодня, когда мое заикание почти полностью под контролем, я всякий раз повторяю эти строки, когда собираюсь заговорить.

Свою первую речь я произнес безупречно, на урду, национальном языке нашей страны. Я не могу сказать, как это произошло, но это было потрясающе. После выступления мой учитель математики, Ахмед Кахн, подошел ко мне и сказал: «Шахин, ты разжег пламя». *Шахин* означает сокол, и некоторое время отец настаивал на том, чтобы я представлялся именно так. Тот успех сблизил нас с ним. Он утвердил его в давних мечтах на мой счет, а мне придал уверенности. Я стал относиться к себе по-другому: не как к уродливому мальчишке с темной кожей и большим носом, который к тому же еще и заикается, а как к мальчику, победившему на дебатах и преодолевшему свой недостаток. Думаю, уверенность порождает еще большую уверенность.

Состязания проходили по всему региону, и мы часто ездили на них на автобусе. Один раз я уже решил, что у меня нет шансов: всю долгую поездку по ухабистой дороге я снова страдал от жестокой тошноты. Я сидел с белым лицом, обливаясь потом. Остальные участники тоже ехали там, и я видел, как один из них, глядя на меня, усмехнулся.

– Ты, значит, будешь выступать с речью?

Я кивнул.

– Спорим, не будешь, – расхохотался он.

Я понимал, почему он смеялся надо мной. Никто бы не поверил, что этот измученный ребенок сможет выйти на сцену. Но на следующий день я победил в дебатах не только того мальчишку, но и всех остальных – выиграл состязания. Заика оказался отличным оратором. Мой успех стал лучшим ответом на насмешки. Я называю это «позитивным возмездием». Такого принципа я придерживался всю свою жизнь – побеждать противника без ненависти.

Хотел бы я сказать, что мое красноречие на публике положило заиканию конец, но нет. Прошло много лет, прежде чем я начал справляться с ним получше. Это произошло практически случайно, когда я уехал из Шанглы в Сват, чтобы изучать науку и английский язык. Полностью оно не прошло до сих пор, но по мере того, как я взрослел и завоевывал признание у окружающих, я стал уверенней в себе и смог принять его как часть себя. Я познакомился с одним замечательным доктором, физиотерапевтом – сам я врачом так и не стал, – который рассказал мне про Демосфена, греческого оратора, который клал в рот камешки, чтобы совладать с заиканием. Демосфен ходил по берегу моря и произносил свои речи, стараясь перекричать шум прибоя. Я тоже использовал камешки и делал специальные упражнения против заикания. Одновременно я научился подбирать слова, заменяя те, на которых мог споткнуться: например, выбирая между «солнцем» и «луной», я выбирал «луну». Зная, что запнусь на «женщине», я инстинктивно предпочитал «даму». Это ограничивало мое красноречие, и я понимал, что лучшие слова порой от меня ускользают, зато я мог выразить свое мнение. Тяжелый выбор: простое слово, зато быстро, или сложное, но медленней. Так происходит и по сей день.

Когда меня впервые попросили прочесть свое сочинение перед всей аудиторией в университете и я снова почувствовал, как немеет мой язык, лектор предложил:

– Зиауддин, может быть, кто-то прочтет его за тебя?

– Я буду читать сам, – был мой ответ. – Если его прочту не я, это будет уже не мое сочинение.

Лицо лектора казалось пристыженным. Он сам ужаснулся своей оплошности.

– Ты совершенно прав, – сказал он. – Читай!

Я прочел сочинение. Заменять слова было нельзя, поэтому я читал медленно и неловко, но помню, что в тот момент думал: «Да, это я, такой, какой есть».

Годы спустя речь стала моим главным оружием в борьбе с талибами. Я, может, говорил не слишком гладко, зато всегда высказывал правду. В те годы, когда талибы захватили нашу землю и отобрали нашу жизнь, я наслушался красноречия и риторики их командиров, разливавшихся по радио и с трибун на площадях, но за этой гладкостью всегда крылась ложь. Мой собственный голос мог запинаться, но зато я не молчал и всегда говорил правду о том, как талибы собираются погрузить страну во мрак.

Наследие моей Бейбей

Если отец внушил мне любовь к учебе и увлечение ораторским искусством, то мать одарила своей безграничной добротой. В исламе есть притча о том, как один человек пришел к пророку Мухаммеду и сказал: «О посланник божий! Кто из людей более всего достоин моей искренней привязанности?» Пророк ответил: «Твоя мать».

Мужчина спросил: «А потом?» Пророк сказал: «Потом твоя мать». Мужчина снова спросил: «А потом?» Пророк ответил: «Потом твоя мать». Мужчина продолжал: «А потом?» Пророк отвечал: «Потом твой отец».

Эти три отсылки к матери напоминают мне о том, как я, впервые опубликовав собрание своих стихов на пушту в 2000 году, посвятил его трем женщинам, которые, в разном смысле, были матерями для меня: моей первой, настоящей матери; моей второй матери, на которой женился отец, когда мама умерла; и моей третьей «матери», доброй женщине, обращавшейся со мной как с сыном, когда я в годы учебы поселился у нее в доме.

Мою родную мать звали Шахрук, сокращенно Шаро, и я очень ее любил и люблю, хоть она и ушла от нас в другой мир. Она всегда заботилась обо мне. Мама была добра ко всем своим детям, но ко мне – особенно, возможно, потому, что мой старший брат женился, когда я был еще совсем маленьким, и дальше за ним ухаживала его жена.

Меня считали маминым любимцем. Она постоянно мне что-то рассказывала: о людях, которые жили по соседству, как они боролись с бедностью, много трудились и преодолевали тяжелые времена. И как, несмотря на все испытания и превратности судьбы, они учились и добивались чего-то в жизни: получали хорошую работу и, при определенном везении, становились богатыми. Она сама никогда не училась, но высоко ценила образование. Она знала, что единственный способ для меня переселиться на виллу и зажить той жизнью, о которой мечтали они с отцом, это выучиться и найти хорошую работу. Общественный уклад не позволял ей внушать такое своим дочерям, однако она внушала это мне, а я, в свою очередь, внушил то же самое Малале.

Моя мать была красивой, с очень светлой кожей – гораздо светлей, чем у меня. Но крепким здоровьем она не отличалась. Когда мы приходили с ней к врачу-мужчине, ее записывали как «мать Зиауддина» или «жена Рохула Амина». Иногда доктор навещал маму у нас дома, и тогда я стоял рядом, держа его чемоданчик, и передавал стетоскоп или термометр. Мне казалось, таким образом я оказываю матери услугу, но она не шла ни в какое сравнение с тем, что мама делала для меня.

Перейдя в последний класс старшей школы в соседней деревне, где преподавал отец, накануне экзаменов, которые мне предстояло сдавать в шестнадцать лет, я переехал в комнату в нашем крошечном гостевом домике. Там я мог заниматься до поздней ночи, лежа на койке в окружении книг, при свете керосиновой лампы. Каждые пару часов я замечал, как какая-то тень мелькала за окном. Она походила на мираж, и я думал: «Это правда Бейбей или все-таки привидение?»

Однажды ночью она спасла мне жизнь: лампа опасно наклонилась над подушкой, и огонь грозил поджечь постель.

К сожалению, я не смог ответить ей тем же. 5 мая 1985 года моя мама умерла. Мы сидели на терраске у нашего дома с ней и с сестрой. Это было непростое время: я сдавал экзамены и уже понимал, что не получу тех оценок, которые требовались, чтобы пойти учиться на врача.

Одна из моих старших сестер приехала к нам погостить и спала с мамой в одной комнате. Я не придавал этому особенного значения, но сейчас все понимаю. Когда сгустились сумерки, я взял маму на руки. Она была такой хрупкой, легонькой и почти не могла ходить. Я понес ее в дом, а она смеялась и шутила со мной: «Зиауддин, поставь меня на пол! Что ты делаешь?

Куда меня несешь?» Я положил ее на кровать в нашем маленьком доме, а сам пошел к себе, к своим книжкам и керосиновой лампе. На следующее утро я проснулся от криков и причитаний сестры: «О Бейбей, о моя Бей, Бейбей!» Они проникали повсюду. Я вбежал в комнату и увидел маму, лежащую на кровати точно так же, как я ее оставил. Она была мертва. Никто не ожидал, что мама умрет. В тот же день сестры обмыли тело, и мы похоронили ее. Только одна из сестер, жившая в Карачи, не присутствовала на похоронах. Она приехала на автобусе три дня спустя, после долгого путешествия. Новость о похоронах моей матери разнесли по всей деревне те же мужчины, которые кричали *азаан*, чтобы все могли прийти с ней попрощаться. Мне с трудом верилось, что их слова относятся к человеку, которого я любил больше всех на свете.

Мой отец очень горевал, но через несколько месяцев решил жениться повторно. Такое поспешное замещение умершей жены считается у нас нормальным, так что я не задавал никаких вопросов. Мужчины в нашей стране не живут в одиночку. Я понимал, что отцу *необходима* женщина, которая возьмет на себя заботу о нем. Мой брат взялся подыскать ему жену из свободных женщин, живших неподалеку. Не было и речи о красоте или влечении: отцу требовалась женщина, которая будет обслуживать его, как это делала мама – стирать одежду, готовить еду и ухаживать за детьми. Жена – это обязанности, и без нее семье не выжить.

Несмотря на чувство утраты, я не думал о том, что мама только что умерла, а отец уже собирается жениться. Вместо этого я думал: «Ему нужна женщина, чтобы выжить. У меня появится новая мать».

Все решилось быстро. Отец женился на вдове средних лет; вскоре она заняла в нашем доме и в семейном кругу то место, которое раньше принадлежало маме. Я сильно тосковал, но не собирался этого показывать перед моей второй матерью, потому что не хотел ее огорчить. До свадьбы кто-то из соседей сказал отцу: «Ты женишься на другой женщине, но не забывай: никогда не поминай предыдущую жену при нынешней. Ревность между двумя женами одного мужа не знает себе равных. Даже между двоюродными нет такой! Это самая страшная ревность в мире».

Во время Курбан-байрама я ходил на кладбище, чтобы навестить умершую мать, но никогда не говорил об этом новой. Зачем ранить ее чувства, ведь она такой же живой человек? Это наверняка ее заденет, да и мне ничего хорошего не даст – так что нет никакого смысла.

Моя вторая мать жива до сих пор. Она находилась в нашем доме в Мингоре, когда в октябре 2012 талибы напали на Малалу. Именно ее Тур Пекай просила молиться за нашу дочь, потому что «Господь уважает стариков с сединой в волосах».

С самого начала моя вторая мать говорила Малале: «Ты можешь стать новой Беназир Бхутто – главное, чтобы ты прожила дольше нее».

Неравное положение моих сестер и матери оказало большое влияние на меня. Даже в десять лет я уже стремился помогать женщинам в нашей деревне. Я был слишком мал, чтобы расценивать это как протест; помню, что такая помощь просто доставляла мне удовольствие. У многих из них сыновья уезжали на заработки в страны Персидского залива, а сами они были безграмотные: когда от сына приходило письмо, та, кто так его ждала, не могла прочесть ни строчки, чтобы узнать новости. Не знаю, как я об этом догадался в столь юные годы, но я начал читать им письма вслух, а потом исполнять роль писца. Я писал письма за этих женщин, вкладывая в них все мысли и чувства точно в том виде, в каком они их выражали, чтобы продолжалась их связь с сыновьями, по которым они так скучали и которых любили, как мама любила меня.

В Баркане у меня была одна из двоюродных сестер, судьба которой сильно сказалась на мне: я понял, что неравенство зачастую влечет за собой и физическую жестокость. Здесь я буду называть свою кузину Нур Биби, чтобы не открывать ее настоящее имя. Она старше меня

на четыре года, и мы до сих пор поддерживаем с ней связь; теперь она живет в другой части Пакистана. Как я, она лишилась матери, но это произошло, когда Нур Биби было два с половиной года, поэтому у нее не сохранилось счастливых воспоминаний, чтобы тешить ими душу. Отец женился на другой, но эта женщина оказалась весьма суровой, так что моя сестра часто представляла себе, как могла бы жить, не умри ее мать. В четырнадцать лет ее выдали замуж в семью с более высоким социальным статусом. Брак считался очень выгодным, но муж оказался психически неуравновешенным человеком: он грубо обошелся с ней в первую брачную ночь и продолжал издеваться и дальше. Нур Биби пролила целые реки слез. Годы шли за годами, а слезы не прекращались. «Зиауддин, что мне делать? Что делать?» Ко времени маминой смерти я превратился в весьма романтичного юношу. Я читал много стихов и мечтал о чистой и вечной любви, такой, что охватывает тебя целиком и возносит на облака.

Печальные реалии жизни сестры шли вразрез со всеми поэтическими идеалами. Я страшно расстраивался из-за ее страданий. Не мог и дальше мириться с глубокой несправедливостью такой жизни. Брак, пускай даже по договоренности между семьями, все равно означал для меня любовь. Я мечтал о любовном союзе, но брак моей сестры строился на неуважении и несчастье.

Когда мне исполнилось шестнадцать, ей было уже двадцать лет. Подростком она прожила в браке всего пару месяцев, а потом сбежала домой к отцу. Когда отец умер, она перебралась к одному из братьев. При патриархальном укладе женщина – всегда бремя, и именно так произошло с моей сестрой. Она кочевала от отца к мужу, назад к отцу, потом к брату, не имея средств на самостоятельную жизнь и даже не мечтая о независимости.

Начался долгий процесс по освобождению моей двоюродной сестры от брачных обязательств, заключенных через родственников. Ее родной брат подал прошение в суд о разводе, но семья мужа начала сильно на него давить. Развал брака считался постыдным, и моя сестра продолжала постоянно плакать. Я стал одним из ее самых близких друзей, ведь рядом не было больше никого, чтобы ее поддержать. Ее страдания значительно повлияли на мои взгляды.

Отчаявшись получить помощь от государства, она начала возносить Богу особые молитвы каждую полночь, протягивая руки к небу и в буквальном смысле умоляя о снисхождении и спасении. Я понимал, что общество ее не защитит, что правоохранительные органы давно умыли руки.

Бедняжка начала посещать каких-то колдунов, мошенников и обманщиков, игравших на ее чувствах, которые обещали переломить несчастный ход ее судьбы.

«Зиауддин, – сказала она мне как-то вечером, – пожалуйста, пойдем со мной на кладбище». Я, хоть и был уже подростком, считал кладбище очень страшным местом, но сестре кто-то дал амулет, велев закопать его на самой старой могиле, какую та сможет отыскать. Тогда его сверхъестественная сила изменит ее судьбу. Она так умоляла, что я не смог отказать. Мы пошли на кладбище. Сестра бродила между могил, словно сама сошла с ума. Отыскав самую старую, она начала копать землю руками, громко распевая молитвы.

Два года спустя ее ранил в ногу неизвестный мужчина, вооруженный автоматом Калашникова. Сестру отвезли в больницу с четырехсантиметровой раной; она пролежала там четыре с половиной месяца, прежде чем смогла вернуться домой. Она до сих пор прихрамывает при ходьбе. Мне на тот момент уже исполнилось восемнадцать, я больше не жил под одной крышей с отцом в Баркане и начал навещать ее в больнице. Я много читал и встречался с разными людьми, и мои представления о жизни все дальше отходили от традиций общины, в которой я вырос. Я думал, что если у меня родится девочка, я ни за что не допущу, чтобы ее всю жизнь держали в страхе, как сестру. Прошло еще восемь лет с того выстрела, за которые ее дважды неудачно выдавали замуж, пока, наконец, в четвертом браке она обрела свое счастье.

Когда я размышляю о том, чего достигла Малала, я вспоминаю и других женщин в моей жизни, которых я любил, моих родных и двоюродных сестер, которых не мог защитить от

жестокости и несправедливости окружающего мира. Насмотревшись на то, как жили они, я поклялся, что свою семью буду строить по-другому. Эти женщины – тетки, двоюродные сестры и бабушки Малалы, – жили мечтами других людей и подчинялись чужим желаниям. Внутри у них всегда хватало силы, но она оставалась втуне: нераскрытая, недооцененная. Никто не хотел верить в нее.

Когда живешь в окружении людей с подобными судьбами, неизбежно меняешься сам. Я начал переосмысливать представления своего отца, и его отца, и всех их предков в Пакистане за столетия до того.

Песня свободы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.